

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН И БУДУЩИЕ ГОРИЗОНТЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Г.В. Суворов

Кандидат философских наук,

доцент кафедры культурологии, социологии и философии

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, д.36

suvorov-gleb@mail.ru

О силе и влиянии философской концепции судят по ее вневременному измерению. Идеи А.И. Герцена сыграли ключевую роль в формировании русской философской мысли, начиная с его современников (В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Д. Писарев) до столь разных мыслителей XX века, как Н. Булгаков и В. Ленин. Незримое присутствие герценовских идей в современных философских дискурсах ощущается и сегодня. Интеллектуальная значимость наследия Герцена связана с тем, что оно с особенной драматичностью артикулирует центральные проблемные поля: свободу и историческую необходимость, судьбу России и судьбу человечества. А. Герцен предстает как фигура, объединяющая две нормативно совместимые, но методологически противоположные тенденции – утопическую и реалистическую. Диалектическое взаимодействие этих тенденций пронизывает последующие дебаты в русской философии. Утопическая сторона выражает надежду на коллективное спасение, реалистическое направление делает акцент на автономии личности и отказ от исторического предопределения.

Ключевые слова: русская философия, Россия и Европа, свобода, гуманизм, реализм, утопия, личность.

При всем идейном многообразии русской философской мысли, ее «проклятым» вопросом во все времена оставался вопрос, вынесенный в заглавие своего романа Н.Г. Чернышевским – это вопрос «что делать?». Название другого литературного произведения середины XIX века – «Кто виноват?» – также стало темой непрерывной философской рефлексии русской интеллигенции. Автор этого первого социального романа в русской литературе – Александр Герцен (1812–1870) – выдающийся мыслитель, а также непревзойденный пример интеллектуальной честности и человеческой порядочности. В творчестве Герцена, как в зеркале отрази-

лись все искания русской философии, со всеми ее достоинствами и недостатками, взлетами и падениями.

Вопросы о том «кто виноват» и «что делать» трудноразрешимы, ибо тесно связаны с пониманием хода российской истории и спецификой эволюции русской духовной культуры. Не потеряли свою актуальность эти вопросы и сегодня – в эпоху глобального цивилизационного кризиса и геополитической борьбы между Западом и Востоком, когда на повестке вновь оказываются проблемы места и роли России во всеобщей истории человечества, путей ее прогресса, конфликта патриотизма и космополитизма, соотношения государственного и общечеловеческого, национального и индивидуального. Так исторически сложилось, что Россия – это страна, которая веками сталкивалась с проблемой собственной идентичности, поиски которой уходят в национальную философскую, культурную и интеллектуальную традицию, и не могут считаться завершенными до тех пор, пока не будет достигнуто подлинное «понимание России». Эти вопросы представляют собой плодотворный объект исследования, особенно на фоне молчаливого, но почти повсеместного убеждения сторонников идеи непостижимости России, апеллирующих к ставшему национальным клише тютчевскому четверостишью: «Умом Россию не понять...». Поэтому попытки философов постичь судьбу России и менталитет русского народа часто приводят к более глубокой рефлексии самих философов, а не предмета их исследования. Быть может поэтому размышления о наличии в русской философии особого национального духа и самосознания неизбежно приводят к проблеме морального и гражданского долга и ответственности самих философов.

Если исключить из русской философии ту ее часть, которую условно можно назвать «профессиональной», – то есть ту, которая развивалась исключительно в рамках университетов и всегда носила официально-государственный характер, но при этом не имела новаторского содержания, – то на передний план панорамы русской мысли выходит философия, практикуемая вне всяких институциональных рамок, спонтанно и нередко хаотично. Однако именно эта неакадемическая философия сформировала исключительный и самобытный характер русской мысли. При всем уважении к «профессиональным» философам, следует признать, что глубочайшие мировоззренческие идеи русской философии были сформулированы писателями, публицистами, религиозными деятелями, т.е. теми, кого можно назвать дилетантами в философии. Причем свои философские взгляды они высказывали не столько в произведениях, подготовленных к печати, сколько в интимных письмах и дневниковых записях. К.С. Акса-

ков, В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой – вот лишь некоторые имена отечественных мыслителей, которые не написали специальных работ, целиком посвященных сугубо философским вопросам. Философская проблематика, затрагиваемая ими, прежде всего, была выражена в ярких литературных образах, что ясно демонстрирует склонность русских мыслителей к художественному, интуитивному методу философствования. Наследие А.И. Герцена предстает ярким примером философствующей прозы: «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» и другие публицистические работы Герцена являются попыткой синтеза научно-теоретического мышления с литературно-художественным творчеством. Отсюда проистекают противоречия и непоследовательность творчества Герцена, который будучи противником всякого доктринерства и духовной окостенелости, никогда не строил законченных систем [1, с. 11].

В данной статье не будет места для всестороннего анализа мировоззрения А. Герцена, и тем более для описания его сложной творческой эволюции. Затрагивая основные вехи философского пути Герцена, мы попытаемся указать на вневременной характер его идей для русской философии и культуры. На наш взгляд, внеисторический характер герценовского наследия определяется по причине наличия двух важных элементов. Первый состоит в апологетике идей гуманистического либерализма, философии индивидуальной свободы, отвергающей любые попытки оправдать жестокость всемирной истории. Второй аспект герценовской философии – русский социализм, или «русская идея», как возможное решение болезненных проблем исторического развития России и ее взаимоотношений с Европой. Эти две стороны философской мысли Герцена часто вступали в конфликт между собой, порождая мучительные рефлексии об ответственности и долге философа перед русским народом и самим собой.

В данной работе, посвященной А.И. Герцену и его влиянию на русскую философию, мы использовали следующие методы исследования: логический метод, биографический метод, исторический метод и принцип историзма. Кроме того, для понимания противоречивого характера герценовской философии нами используется диалектический метод познания.

С самого начала своего творческого пути, будучи студентом Московского университета, а затем, как политический ссыльный (Пермь – Вятка – Владимир, 1834–1840 гг.), Герцен воспринимал свою эпоху как время глубокого кризиса, из которого по законам социального развития должен был родиться новый, полностью обновленный мир. До своей эмиграции в Европу Герцен предстает как революционный демократ, кумиром которого

были декабристы. Затем последовало увлечение Шеллингом и немецким романтизмом, сочетавшееся с идеями утопического социализма, прежде всего, Сен-Симона, провозглашавшего наступление новой «органической эпохи», которая гармонично объединит полную эмансипацию личности и конструктивное разрешение социальных противоречий.

Возвращение Герцена в Москву после ссылки в начале 1849 г. совпало с кульминацией влияния Гегеля на умы молодых московских интеллектуалов. В своем автобиографическом романе «Былое и думы» Герцен с иронией отмечает повальную моду на учение Гегеля среди университетской молодежи: «Все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и других губернских и уездных городах немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней» [2, с. 342]. Герцен с горечью сожалеет о том, что молодые русские философы, увлеченные гегельянством, испортили не только фразы, но и понимание немецкой философии

Ближайшее окружение Герцена, образованная и равнодушная к судьбе России молодежь, в лице Бакунина, Белинского, Грановского, Станкевича, увлекалась толкованием Гегеля, как философа, провозгласившего разумную необходимость исторического процесса. Гегелевская формула: «все действительное – разумно, все разумное – действительно» – была совершенно неприемлема для Герцена. Важным аспектом герценовской критики философии Гегеля был решительный протест против концепции «хитрости разума», который безжалостно использует как отдельных людей, так и целые народы для достижения собственных целей. История не разумна; «история, – пишет Герцен, – странное сплетение случайностей» [3, с. 259]. Однако гегельянство повсеместно считали «последним словом» философии, и это означало для Герцена необходимость критически изучить его систему и попытаться преодолеть ее изнутри, перенеся акценты в сторону интересов свободной, активной и всесторонне развитой личности.

Наиболее интересной интерпретацией гегелевской философии у Герцена являются статьи «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», написанные им во многом под влиянием работы Л. Фейербаха «О сущности христианства». Главной темой этих статей является «философия деяния» и вопрос о «реабилитации материи», как двух подходов к проблеме освобождения и духовного возвышения человеческой личности. В «Дилетантизме в науке» Герцен критикует абстрактный панлогизм как «деспотизм общности», исключая свободную активность индивида. «В разумном, нравственно свободном и страстно энергическом деянии че-

ловек достигает действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий. В таком деянии человек вечен во временности, бесконечен в конечности, представитель рода и самого себя, живой и сознательный орган своей эпохи» [4, с. 138]. Это означало, что условием превращения человека в личность является сначала освобождение его от «естественной непосредственности», затем следует подъем на уровень безличного, абстрактного мышления, наконец на третьей стадии следует диалектическое возвращение к собственной идентичности, обогащенной развитием и способной выразиться в свободном творчестве, преобразующем мир в желаемом направлении. Если так, то посвящать себя во имя несуществующей логики прогресса лишено всякого смысла: «Подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее – продолжение человеческих жертвоприношений, заклание агнца для примирения Бога, распятия невинного за виновных» [5, с. 102]. Но у этого лишения истории смысла есть и обратная сторона: если нет спасения ни на небе, ни на земле, высшей ценностью становится свободная человеческая личность. Освободившись от внешних преград, она получает возможность «искать пристанище» в самой себе – в сознании своей безграничной свободы и собственной самовластной независимости. Нежелание Герцена мириться с «деспотизмом» общих, абстрактных теорий, заталкивающих человека в рамки системы с априорными принципами, заставляют русского мыслителя обратиться к гуманистическому рационализму, способному сохранить свободу от социального и природного формализма.

В отличие от многих своих соотечественников, для Герцена было чуждо философское эпигонство. В «Письмах об изучении природы» он предпринимает попытку примирения натуралистического материализма Фейербаха и диалектического идеализма Гегеля. Такой синтез Герцен предпринял, не только следуя интересам науки, но, прежде всего, в интересах ценности человеческой личности. Антропологический материализм Герцена не схематичен, а глубоко гуманистичен, он предстает как защита живого, телесного человека от тирании всеобщего. Следуя Фейербаху, русский мыслитель видел в идеализме философию абстрактного универсализма, угрожающего поглощением живой конкретной индивидуальности. Материализм, напротив, он считал защитой живых, телесных людей, хотя и несущей опасность сведения личности к натуралистической частности, что, в свою очередь, грозит полной атомизацией общества. В конечном счете отрицание гегелевского обожествления исторической необходимости не помешало Герцену в то же время остаться прогрессивистом и западником, верившим в общий смысл истории человечества и ожидав-

шим социалистического будущего. Однако эта вера не выдержала разочарования, которое принесло Герцену столкновение с реальным положением дел в Западной Европе во время эмиграции, особенно во Франции, считавшейся им, по распространенному тогдашнему стереотипу, народом, избранным для революции и социальных преобразований.

Надежда русского мыслителя, связанная с утопическим социализмом, еще сохранялась, но быстро растаяла после революционных событий 1848 г. Кровавое подавление «весны народов» стало для Герцена шоком, окончательно разрушившим его веру в рациональный европейский прогресс. Документом этого глубокого разочарования стала выдающаяся книга Герцена «С того берега» (1850 г.). В ней мыслитель окончательно расстался с гегелевским и сенсимонистским убеждением в смысле и целенаправленности исторического процесса, с предельной искренностью признавшись в крахе своих социально-политических иллюзий. По словам Герцена, своими статьями «С того берега», он «преследовал последние идолы, сиронией мстил им за боль и обман, не над ближним издевался, а над самим собой и, снова увлеченный мечтал уже быть свободным, но тут и запнулся» [6, с. 267].

О психологической драме Герцена, философском скептицизме и социально-политических разочарованиях русского мыслителя писали многие его комментаторы. С.Н. Булгаков видел истоки этой драмы в антимещанском мировоззрении Герцена: «классическое выражение духовного столкновения русского интеллигента с европейским мещанством мы имеем в сочинениях Герцена» [7, с. 142]. При этом С. Булгаков представляет Герцена как религиозного искателя, оставшегося до конца жизни атеистом [8]. Другие исследователи отмечают, что «трагическое мировоззрение Герцена стало откликом на проблемы кризиса индустриального общества и человеческого существования в этом обществе» [9, с. 14].

Русские революционные разночинцы 1860-х годов, а затем В. Ленин оценили сомнения Герцена еще строже: «На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве – вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» – нет ни грана социализма. Это – такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облакающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе» [9, с. 547]. Один из основоположников западной философии свободы И. Берлин помещал идеи Герцена в русло либерализма, чьим отличительным знаком является не рынок, а политическая свобода и индивидуальность, для которых свободный рынок может быть благоприятной средой,

но может и существенно ограничивать ее, как это доказала политическая история XX века [10].

Широта интерпретаций творчества Герцена позволяет сделать вывод не только о масштабах Герцена как философа, но и об итогах идейных исканий русской интеллигенции XIX столетия. При всей противоречивости философской позиции Герцена, его сложной творческой эволюции, попытаемся выделить в ней те тенденции, которые, на наш взгляд, соответствуют национальному характеру русской философии.

Осмелимся предположить, что ложный ландшафт русской философской рефлексии всегда определялся сосуществованием двух отдельных течений, что во многом соответствует «маятниковому» характеру русской истории. Эти господствующие тенденции можно условно назвать утопизмом и реализмом. В творчестве Герцена эти тенденции обозначились наиболее отчетливо, однако, в отличие от своих предшественников, современников и последователей, Герцен сумел преодолеть крайности этих подходов, что позволяет назвать русского мыслителя не просто олицетворением специфической национальной философии в России, но и настоящим «рыцарем» русской философии.

Разрыв между мечтой и неприглядной реальностью – проблема, которая на протяжении всего существования русской философии стимулировала развитие ее мысли. Поэтому русских философов мало интересовали проблемы теоретического характера, они стремились к действию, практическим преобразованиям, революциям. Речь идет не о кабинетном утопизме, а о таком его типе, который, критикуя действительность и не соглашаясь с ней, призывает к действию и преобразованиям. Этим путем пошли декабристы, затем народовольцы и марксисты, то есть течения, которые во главу угла ставили социальные идеалы, стремления, порывы, однако все, что не соответствовало этим идеалам, признавалось враждебным, и им объявлялась война, вплоть до открытого террора и насилия.

Герцена часто называли революционером, социалистом и демократом. Действительно, начальный период его творчества соответствует утопическому проекту, который можно назвать «русской идеей», отражающему его оптимистическую веру в русский социализм. Близкий друг Герцена Н.П. Огарев писал о нем, что тот был первым мыслителем, который «разбудил наше уснувшее свободомыслие, дал первый толчок нашим потребностям народной свободы и нового гражданского устройства» [6, с. 798].

На наш взгляд, попытка представить А. Герцена пламенным революционером, предпринятая Н. Огаревым и продолженная В.И. Лениным, а

затем по инерции подхваченная советской философией, не совсем справедлива. Философия Герцена – это философия последовательного антирационалистского индивидуализма, враждебная любым формам деспотического «объективизма» вроде гегелевского Абсолюта или объективных законов истории марксизма. Как и в XIX веке, в сознании русской интеллигенции присутствует убеждение в том, что если сменить социальную структуру, то мир изменится в лучшую сторону, однако проблема заключается не столько в характере негативных общественных отношений, сколько в массовом желании терпеть это зло, соглашаться с ним, сотрудничать, постоянно оправдывая свое моральное падение внешними обстоятельствами, а потом каяться в своих грехах. Философия Герцена вскрывала порочность многих социальных институтов, прежде всего, крепостничества, догматичность общественного сознания и инертность российского мышления. Отсюда следовал вывод о радикальном изменении социального устройства, который многими последователями Герцена воспринимался в качестве революционного призыва на баррикады.

Специалист по русской философии XIX века В.С. Никоненко полагал, что творчество Герцена, имевшее универсальный и двойственный характер, оказало решающее значение для русской философии. «Герцен – русский мыслитель. Но, в отличие от многих других представителей русской философии, Герцен, как философ, принадлежит и России, и Западу. Герцен в своем творчестве совершенно не замыкался на России» [11]. По мнению В.С. Никоненко, взгляды Герцена на человека, общество и историю, предстают в виде диалога между идеалистом-гегельянцем и романтиком, с одной стороны, и реалистом, с другой [12]. Схожие мысли высказывает М.А. Маслин, отмечавший, что «своеобразие философской позиции Герцена заключалось в том, что, развиваясь в рамках европейской философии, включаясь в ее рефлексию над основными философскими проблемами, – от онтологии, гносеологии, истории философии до философии истории, этики и эстетики, он в то же время был мыслителем «незападной» ориентации» [13, с. 133].

В попытках разобраться во взаимосвязях теории и фактов современного мира, Герцен занимает трезвую реалистическую позицию. Сущность философской позиции Герцена состоит в отвержении любых абстракций, любых заранее данных, объективных, универсальных правил, призванных управлять бытием, миром, природой, историей, культурой (сферой духа), обществом, прогрессом и превращающих личность лишь в момент, проявление, иллюстрацию этих правил. Эти правила могут быть трансцендентны по отношению к эмпирическому миру, но также и имманентны ему, опре-

деляя настоящее в некотором заранее заданном плане, цели для достижения. Герцен подчиняет все уровни бытия свободе личности: он отвергает трансцендентность, природу рассматривает как пространство случайности, а человеческую историю как сферу импровизации. Везде, где свободная личность пытается что-то создать, это заслуживает признания и восхищения лишь в той мере, в какой она создает нечто, перед чем сама не склоняется и не пытается склонить других. Постоянная свобода и постоянное «настоящее» человеческого мышления и действия, но также постоянная незавершенность, неудовлетворенность – это присущая ткань «онтологии» человека и непреходящие достоинства герценовской картины мира. Герцен ценил свободу личности выше счастья, эффективности действия или справедливости, и несчастная, побежденная, лишенная справедливости личность оказывается онтологически первичной и аксиологически выше любого земного или небесного рая. Герценовское отрицание универсалий, трансцендентности, законов и целей прогресса вовсе не привело его к цинизму или пессимизму. Если это и был скептицизм, то не того пессимистического рода, как у Ла-Рошфуко или Паскаля, а близкий к жизнерадостному скептицизму, враждебный не столько миру, сколько поспешным, слабо обоснованным, но при этом жестким, общим и догматичным теориям мира, вовлекающим человека в ситуации морального обмана и познавательной мистификации; скептицизму, сходному с позициями Сократа, Пиррона, Монтеня, Юма, Вольтера или Милля. Это скептицизм, мобилизующий к реализму и действию – скептицизм изобретательности, фантазии, интеллектуального «изобилия» и моральной серьезности. Он не утверждает, что в мире нет правил; он утверждает, что в мире нет простых, однозначных, окончательно разрешающих, утешающих и гарантирующих правил.

Казалось бы, что философские и общественно-политические взгляды Герцена, так же как обстоятельства его биографии, изучены в российской, а прежде всего, в советской науке основательно и со всей полнотой. Однако даже в советское время, когда Герцен входил в своеобразный пантеон философии русской революционной демократии, отношение к нему со стороны правящей номенклатуры было, по сути, не более чем «одобряюще-снисходительным». Под влиянием работ В.И. Ленина, прежде всего, его статьи «Памяти Герцена», в советской историографии и философии стало традиционным возвеличивать Герцена за его демократизм, социалистические и революционные воззрения, значительно повлиявшие на ход русской истории.

В тоже время его взгляды были поставлены в один ряд с идеями западных утопистов-социалистов, которые, по мнению последователей

марксистско-ленинской философии, были не более чем прекраснодушными мечтателями, не понимавшими всемирно-исторического роли пролетариата в уничтожении капиталистического строя. Помимо упреков в дворянском аристократизме, Герцена было принято ругать за утопизм и социальное мечтательство.

Сегодняшние властные российские элиты вовсе предпочитают не замечать или замалчивать имя А.И. Герцена. Многие из так называемых «охранителей» осуждают демократизм Герцена, его либеральные воззрения западного типа, а его революционная эмигрантская деятельность вызывает неприкрытое раздражение и осуждение. Герцена называют первым русским иноагентом и релокантом, а также русофобом и политическим неудачником [14].

Однако если отбросить политическую конъюктуру и идеологическую составляющую, то в А.И. Герцене мы найдем не символ материализма и социализма, как это пытались представить в Советской России, но и не образ иноагента и политического экстремиста, как это пытаются делать некоторые сегодня. В своем творчестве А. Герцен предстает как гуманист, правдоискатель и подлинный патриот своего Отечества.

Таким образом, «казус» Герцена заключается в том, что он попал во вневременную петлю русской общественной мысли – будучи не понятым современниками, он так и не стал по достоинству оценен своими потомками. Отсюда, на наш взгляд, возникает важная проблема будущего русской философской культуры: должна ли она обслуживать провластные интересы и превратиться в идеологию, либо стать тем, чем была в момент своего возникновения уже при древних греках – то есть свободным и бескомпромиссным стремлением к Истине, как бы горька и неприятна она нам не казалась. Будучи умеренным западником и русским социалистом, Герцен с болью воспринимал кризисное состояние не только России, но и всей европейской цивилизации, он верил, что «старушка Европа» может быть обновлена русской кровью. И речь здесь идет не о полях сражений – это обогащение всего мира русской культурой, наукой, философией. Этот проект лишь отчасти был осуществлен при жизни Герцена, однако он еще не закрылся окончательно; у русской философии есть возможность сказать свое слово в рамках европейской культуры.

Философское наследие Герцена учит нас тому, что человек, независимо от исторической эпохи, должен радоваться каждому мгновению и творчески использовать отведенное ему время. Думая о присвоении будущего, мы отвергаем радость, красоту и наполненность жизни. В этом мире не должно быть места призывам политиков и религиозных пророков

к принятию такой реальности, в которой будущее человеческое счастье может быть оправдано сегодняшними войнами, смертями и страданиями. При всей несхожести позиций Герцена и Достоевского, их объединяет гуманистический призыв о недопустимости гибели тысячи невинных ради счастья миллионов.

Перенеся эти слова в язык приземленной повседневности, увидим, что оправдан протест отдельных людей и целых обществ, которым в наше время велят «затянуть пояса» перед лицом кризиса, терпеть зло и несправедливость ради «светлого будущего», тогда как Герцен отмечал, что «цель должна быть ближе, по крайней мере такой, как денежное или моральное вознаграждение за труд. Каждая эпоха, каждое поколение, каждая жизнь имели, имеют свою полноту, по дороге развиваются новые требования, испытания, новые средства... Цель для каждого поколения – оно само» [5, с. 26]. Своим гуманизмом Герцен обнажает мир, ставящий нас перед неумолимой альтернативой: если мы согласимся с существованием всеобщей цели, если примем тезис о предназначении наций и народов, о разуме истории, то мы перестанем быть свободными людьми и превратимся в пешки на шахматной доске истории; «если бы человечество шло прямым путем к какой-то цели, не было бы тогда истории, была бы лишь логика» [5, с. 26]. В личности А.И. Герцена и его философской позиции перед нами предстает этот подлинный человек, который является надлежащей отправной точкой; человек, который живет, чувствует и побеждает любые умозрительные схемы и абстракции.

Список литературы

1. Володин А.И. Герцен. – М.: Мысль, 1970. – 215 с.
2. Герцен А.И. Былое и думы. Части 1-5. – М.: Художественная литература, 1969. – 925 с.
3. Герцен А.И. Письма об изучении природы // Герцен А.И. Сочинения в 2-х т.: Т. I. – М.: Мысль, 1985. – С. 220–398.
4. Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Герцен А.И. Сочинения в 2-х т.: Т. I. – М.: Мысль, 1985. – С.84–153.
5. Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Сочинения в 2-х т.: Т. II. – М.: Мысль, 1986. – С. 3–117.
6. Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. – М.: Госполитиздат, 1952. – 863 с.
7. Булгаков С.Н. Христианский социализм: Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 350 с.
8. Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/dushevnaia-drama-gercena-protoierej-sergij-bulgakov>
9. Ковтун И.П. Философия кризиса А.И. Герцена // Вестник Амурского Государственного Университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 42. С. 12–14.
10. Ленин В.И. Избранные произведения в 3-х т.: Т. I. – М.: Политиздат, 1970. – 844 с.
11. Берлин И. Русские мыслители. – М.: Энциклопедия.ру., 2017. – 496 с.

12. *Никоненко В.С.* Горькая истина. Философско-исторический пессимизм А. И. Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorkaya-istina-filosofsko-istoricheskiy-pessimizm-a-i-gertsena/viewer>
13. *Маслин М.А.* Философия А.И. Герцена сегодня // Философский журнал. 2012. №. 2 (9). С. 130–140.
14. *Губин Д.* Если разбудить Герцена, проснется Улицкая [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2024/3/4/1252279.html>

ALEXANDER HERZEN AND THE FUTURE HORIZONS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Gleb V. Suvorov

Vyatka State University

36, Moskovskaya st., Kirov, 610000

The strength and influence of a philosophical concept are judged by its timeless dimension. The ideas of A. I. Herzen played a crucial role in shaping Russian philosophical thought – from his contemporaries (V. Belinsky, N. Chernyshevsky, N. Dobrolyubov, D. Pisarev) to such diverse twentieth-century thinkers as N. Bulgakov and V. Lenin. The unseen presence of Herzen's ideas in contemporary philosophical discourse is still felt today. The intellectual significance of Herzen's legacy lies in its particularly dramatic articulation of central problematic fields: freedom and historical necessity, the fate of Russia and the fate of humanity. A. I. Herzen appears as a figure who unites two normatively compatible but methodologically opposed tendencies – the utopian and the realistic. The dialectical interaction of these tendencies permeates subsequent debates in Russian philosophy. The utopian side expresses hope for collective salvation, while the realistic current emphasizes the autonomy of the individual and a rejection of historical consolations.

Keywords: Russian philosophy, Russia and Europe, freedom, humanism, realism, utopia, personality